

Казачий «домострой»: ой ли? Штрихи к образу казачки

Сейчас модно говорить о равноправии полов. Со рвением и страстью: не должно быть ни «запретных» для женщин областей, ни «особого» отношения к даме. Да и пол в первую очередь не «прекрасный», а «симметрично сильный».

Спорить не тянет – хочется бросить взгляд на казачий семейный уклад. Не впадая в крайности патриархальной идеализации и не замалчивая имевших место фактов. И тем более не ограничиваясь однозначными выводами вроде «Казачки – прямые потомки амазонок» или, напротив, «Роль женщины в патриархальной семье в правовом плане стремилась к нулю».

Жизнь, как водится, куда сложнее любых теоретических построений. Например, социальный статус казачки представляет собой на первый взгляд сплошное скопление парадоксов.

Кто же она – провозвестница будущего равноправия полов или жертва домостроя? В том, как логично народная казачья мысль связала и помирила невозможные с точки зрения формальной логики крайности, находится ключ к пониманию этого удивительного дуализма.

И, возможно, назидание потомкам, мучающимся экзистенциально-гендерными рефлексиями.

Парадокс 1. «Тварь дрожащая» или «право имеет»?

Известно, что по неписаным правилам большой казацкой семьи, с замужеством женщина полностью переходила под власть мужа.

Вместе с тем, авторитет казака напрямую зависел от здоровья его семейного уклада. Ругаться с женой, не говоря уже о том, чтобы поднять на нее руку, значило поставить крест на своей общественной карьере. Плохой семьянин не мог стать атаманом, и народная мудрость гласила непреклонно: «Если он в семье не может жить хорошо, как же он в станице управлять будет?»

Парадокс 2. Выдает или распоряжается?

Известно, что все заработанные семьей деньги хранились у ее главы – старшего мужчины в доме. Жена не распоряжалась деньгами самостоятельно.

Вместе с тем, покупки традиционно совершались сообща – муж с женой ехали на ярмарку и принимали решение о первоочередных тратах.

Парадокс 3. «Папа гораздо саете мамы»?

Известно, что главным и безусловным авторитетом для казака был его отец. С 7 лет и большую часть своей сознательной жизни он подчинялся и ориентировался исключительно на указания родителя.

Вместе с тем, устойчивым было выражение: «Кто отца оскорбит – осудит народ, кто мать оскорбит – нищим умрет». До семи лет воспитанием как сына, так и дочери занималась исключительно жена, отец даже не брал их на людях на руки.

Парадокс 4. Труд или каторга?

Известно, что казак выполнял «женские» виды работ исключительно в войсковых условиях; в мирное время приготовить посуду, починить одежду считалось неприемлемым и даже постыдным.

Вместе с тем, обязанности в семье делились по логичному пространственному принципу. Все, что касалось дома и огорода, отдавалось на откуп казачке. От подворья и дальше – сфера ответственности мужчины. Как говорили станичники, «Без хозяина двор плачет, а без хозяйки – хата».

Парадокс 5. Кто в доме хозяин?

Известно, что к «Самому» - главе дома и наставнику нескольких поколений большой семьи – обращались исключительно по имени-отчеству, а жена должна была мыть ему ноги.

Вместе с тем, батяка переставал быть «Самым» и принимал в семье почетный, но не решающий статус «старика» тогда, когда лишался «Самой» - своей хозяйки, то есть становился вдовцом.

Конечно, за рамками нашего краткого экскурса осталось многое: и вопросы решения судьбы детей, и иерархия женщин в казачьем семействе. Не удержимся и упомянем лишь гениально-лапидарное решение тонкого национального вопроса, неизменно актуального для охранявших приграничные рубежи казаков. Его острота снималась простым и незыблемым правилом: статус казачки можно было получить, только приняв православие, а вера уравнивала в правах любые национальности. Поэтому попытки воззвать к голосу крови экс-полонянок в большинстве случаев оканчивались провалом. Так что знаменитый исследователь казачества Ф.А.Щербина не лукавил, утверждая, что «даже дерзкий черкес, пробираясь темной ночью в казачью станицу на грабеж, имел дело с казачкой, и бывали случаи, когда высокая грудь казачки украшалась Георгиевским крестом за военный подвиг». О национальных корнях этих казачек задумывать не приходилось.

Итак, что же с вменяемой в вину нашим предкам дискриминацией по половому признаку? Нет, вряд ли казачки чувствовали ее. И вовсе не потому, что были существами забитыми и далекими от размышлений о собственных правах.

Секрет гармонии их семейного бытия заключался в том, что казачки были готовы выполнять и мужские обязанности – если мужа звал ратный долг.

Но прелесть совместной жизни крылась в возможности вести дом сообща – если представлялась такая возможность. А такое бывало нечасто – и не ценить полноту семейного круга было бы верхом неблагоразумия. Как женского, так и мужского.

